

Так адепт обретает способность видеть то, что находится по ту сторону чувственно воспринимаемых явлений, возноситься в спиритуальном видении к небесным сферам.

Хотя Бог, несомненно, присутствует во внешнем мире алхимика, но он пребывает также и в человеческой душе алхимика, поэтому великое озарение, которого страстно добивается адепт, заключается в том, чтобы соединить свою душу, отражение Бога, со всемирной душой.

Но разве условия для такого озарения создаются не благодаря исполнению символических ритуалов?

Рене Алло в своих «Аспектах традиционной алхимии» пишет: «Посвященный отделен от профанного мира не меньше, чем мертвец. Вопреки иллюзиям, коими тешат себя несчастные, ни мертвецы, ни посвященные не обращаются напрямую к существам, стоящим на ином, нежели они, уровне».

Сильно сказано. Эти слова со всей очевидностью показывают, кем ощущал себя посвященный, даже если он и умел приспособиться к условиям жизни, которую вынужден был вести в период перехода из одного состояния в другое... Что же касается целей алхимической аскезы, то великий поэт Антонен Арто писал по этому поводу:

«Итак, эти конфликты, которые взбудораженный космос представляет нам в искаженном и нечистом с точки зрения философии виде, алхимия предлагает нам со всей своей интеллектуальной точностью, ибо она позволяет нам достичь возвышенного, но достичь драматическим путем, после тщательного и безжалостного перемалывания всего недостаточно зрелого, поскольку алхимия в принципе не позволяет духу возноситься прежде, чем он пройдет через все предначертанные ему пути и встанет на прочный фундамент реально существующей материи, пока он не выполнит эту двойную работу в огненном преддверии будущего».

В алхимической литературе и иконографии встречаются свидетельства, которые невозможно интерпретировать кроме как в прямом соотношении их с ритуальными драмами: действительно, невозможно рассматривать эти тексты и изобразительные документы иначе как подробное описание тайных ритуалов, исполнявшихся в узком кругу посвященных. Речь идет, очевидно, о ритуалах, некогда практиковавшихся в герметических сообществах. Во всей герметической традиции ритуалы и церемонии представляют участникам в непосредственном действии, в живом виде точный традиционный символизм, унаследованный группой, и бесспорно, что алхимия включает в себя специальные таинства, связанные с мифом о Прометее (группирующиеся вокруг обретения животворного огня). Однако для историка перспектива преуспеть при исследовании этого вопроса, естественно, осложняется в силу того факта, что взаимодействия между различными традициями оказываются чрезвычайно многочисленными и сложными.

Вовсе не случайно, что эзотеризм западной алхимии так много черпает из древнегреческой мифологии. Луи Сешан в своем превосходном исследовании о «Прометее», равно как Дора и Эрвин Панофские в их «Ящике Пандоры», продемонстрировали весьма глубокое понимание этих двух великих взаимодополняющих мифов, нашедших большой отклик в алхимии: соответственно, мифа о Прометее, герое, который похитил огонь (и который сближается с Люцифером, «носителем света»), и мифа о Пандоре.

Говоря о таинствах, подразумевают передачу герметических знаний. В «47-м теософском письме» Якоба Беме можно прочитать следующую фразу: «Не получишь ничего стоящего, пока кто-нибудь не передаст вам что-то собственной рукой». Эти слова справедливы в отношении любого герметического знания, в том числе и средневековой алхимии.

Целый ряд герметических документов не может иметь иного объяснения, кроме как совершенно конкретное описание мистерий, священной драмы, которая разыгрывалась и